

Лингвофольклористика: перспективы развития

© А. Т. ХРОЛЕНКО,

доктор филологических наук

Обсуждается статус и логика развития лингвофольклористики, научной дисциплины, исследующей язык устной народной поэзии в трех основных направлениях – семантика фольклорного слова, лексикография народно-песенной речи и фольклорная диалектология.

Ключевые слова: лингвофольклористика, фольклористика, фольклорная диалектология, кросскультурная лингвофольклористика.

The publication contains a discussion of the status and the logics of development of linguafolklore that is a scientific subject in which one investigates the language of oral folk poetry in three directions – semantics of folklore words, lexicography of folk songs speech and folklore dialectology.

Key words: linguafolklore, folklore dialectology, cross-cultural linguafolklore.

В 1974 году в первом номере журнала «Русская речь» впервые появилось слово *лингвофольклористика*, которое вскоре стало общепризнанным термином, обозначающим активно становящуюся научную дисциплину. Статья называлась «Что такое лингвофольклористика?» [1].

Автор статьи констатировал, что полтора века интереса к фольклорному слову привели к формированию специальной области гуманитарного познания. Активный процесс фиксации произведений устного народного творчества, начавшийся с программы собрания народных песен А.Х. Востокова, обнародованной им в 1810 году в Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств, положил начало формирования базы эмпирического материала.

Рождавшаяся в XIX веке великая русская художественная литература и формирующийся современный русский литературный язык обнаружили в народнопоэтическом слове колоссальный эстетический и воспитательный потенциал. Выдающиеся русские филологи Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня и А.Н. Веселовский высказали ценные мысли о специфике языка фольклора. Чуждые современной дробности науки, они видели этот язык как нечто целое во всем богатстве связей с другими эстетическими и коммуникативными системами. Как промежуточный итог всех указанных процессов в 40–50-е годы XX века сложился новый подход

к исследованию устно-поэтической речи, связанный с именами А.П. Евгеньевой, П.Г. Богатырёва и И.А. Оссовецкого. Их труды вдохновили немало число филологов, работавших в вузах России.

Размышляя о путях формирования новой научной дисциплины, мы не станем описывать конкретную деятельность ученых, внесших в нее свой вклад, обратим внимание исключительно на цели и задачи, итоги и перспективы того целого, что и было названо лингвофольклористикой.

Составными частями термин предполагает межпредметность — лингвистику и фольклористику — в нашем случае основывающуюся на единстве объекта — на фольклорном тексте. Логичен вопрос, а не является ли лингвофольклористика частью фольклористики. На наш взгляд, нет. Фольклористика, по существу, — это собрание, классификация и комплексный анализ *фольклорных произведений*. Фольклорист имеет дело прежде всего с *живым* фольклорным словом. Отсюда необходимость полевой работы в экспедиции, контакты с исполнителями и носителями исследуемой традиции. Что же касается лингвофольклористики, то она изучает *фольклорный текст*, точнее, корпусы фольклорных текстов методами филологии. Лингвофольклористика, в отличие от фольклористики, имеет дело исключительно с *запечатленным* фольклорным словом. Если фольклористика — это отрасль литературоведения и музыковедения, раздел этнографии, искусствоведческая научная дисциплина, то лингвофольклористика — это филологическая научная дисциплина, объектом которой является фольклорный текст, а предметом — смыслы, воплощенные в языковые и параязыковые структуры этого текста, а также все явные и неявные его закономерности, свойства составляющих его единиц.

Логика развития новой филологической дисциплины предопределялась стремлением собрать в одно исследовательское поле все участки познавательного интереса к тем или иным фактам языка устного народного творчества. Это естественно расширяющееся поле требовало системности (комплексности) подхода к нему и инструментальной оснащенности.

Интерес к фольклорному слову начинается не только с констатации ярких языковых и стилистических явлений в виде постоянных эпитетов, многоприставочных глаголов, формул и иных устойчивых структур, с вопроса, как соотносятся бытовая диалектная речь и речь устно-поэтическая. Она начинается с удивления, недоуменных вопросов. Так, литературный критик В.Г. Белинский, цитируя былинные строчки: *в тридцать пуд шелепуга подорожная, В пятьдесят пуд налита свинцу чебурацкого*, недоумевал, как же шелепуга могла быть в тридцать пудов, если одного свинцу в ней было пятьдесят пудов. Таких «аномалий», «алогизмов» в фольклорных текстах подмечено немало: *За Доном, за Доном, За тихим Дунаем; Спроси гуся-лебеда; Под белым шатром, под лазоревым почивает добрый молодец* и т.д. В одной из своих заметок А.А. Потебня, объясняя художественную природу алогизмов, посчитал их не нарушением логического

закона, а способом обозначения понятия высшего порядка, способом общения, формой идеализации.

Пытаясь объяснить случаи алогизма, лингвофольклористика обратила внимание на природу и структуру семантики фольклорного слова и обнаружила ее своеобразие. Народнопоэтическое слово не ограничено функцией номинации, обозначения предмета, свойства или действия, в нем сопряжены видовая и родовая номинации, прямое и переносное значение, а также обязательное наличие оценки. Фольклорное слово шире и глубже своего нефольклорного эквивалента. «Белое» в бытовой речи и в фольклорных текстах во многом различается. Только в лирической песне отметим парня белого, белый рыбный гребешок, белый бережок, пчелу белую, белый перстень на руке, белые румяна на лице и т.п. В прилагательном *белый* оценочный компонент вытесняет номинативное значение, и слово становится своеобразным артиклем сверхположительной оценки. Списки таких слов обширны (*палаты белокаменные, покои белодубовые, цветы белорозовые* и др.).

Цветовые прилагательные — яркое средство представления в фольклоре феномена чуда: *Как первое там чудо белым-бело, А другое-то чудо красным-красно, А третьёе-то чудо черным-черно*. Масть лошади у русских — сущностная характеристика животного, а потому обозначение масти, сохраняя сему цветовой определенности, приобретает потенциальную сему «сверхъестественность». Концентрация нескольких обозначений масти для одной и той же лошади («сивка бурка, вещая каурка») — форма представления существа с необычайными свойствами. Смешение цветов — знак сказочности животных. Превращение цветика в семицветик — тоже знак предельной концентрации эстетического воздействия (*Аленький мой беленький цветочек, Желтый лазоревый василёчек*).

Предназначение лингвофольклористики — выявить секрет народной поэзии, проявляющийся в редком умении создавать многообразие из небольшого количества исходных элементов. А.А. Потебня предупреждал, что мнение о якобы простоте, даже примитивности языка фольклора — лишь следствие недоразумения, принимающего прозрачную глубину языка, которая открывается исследователю, за близость дна. Показать эту прозрачную глубину устно-поэтической речи, ее гармонию и эстетические возможности — основная задача лингвофольклористики.

Исследуя феномен фольклорной семантики, современная лингвофольклористика обратила внимание на природу морфемики народнопоэтического слова. Строка народно-песенного произведения пульсирует, сжимаясь и разжимаясь, гибко подчиняясь напеву или плясовому ритму. Это отражается на грамматической структуре стиха: слово может разорваться, и тогда его части функционируют в качестве эквивалента полного слова. С другой стороны, слова сжимаются, прессуются в композиты, наличествующие исключительно в фольклорных текстах. Один и тот же комплекс

то меняется, уподобляясь слову, то окостеневает и в силу этого сливается с последующим словом.

В своем становлении и развитии лингвофольклористика эффективно использует основной прием научного познания — прием сравнения. Оно ведется прежде всего в рамках одной этнической традиции по жанрам (лексика лирической и исторической песни, лирики и былин, лексиконы произведений, бытующих на разных территориях и т.д.). Это направление получило название сопоставительной лингвофольклористики, в рамках которой сложилась, например, такая перспективная область филологии, как фольклорная диалектология [2]. Внимание к фактам территориальной дифференцированности устно-поэтических лексиконов обогащает современную лингвофольклористику массой исследовательских вопросов, например, почему кафтан в курских народных песнях XIX века исключительно зелёный, а в архангельских — синий или голубой, почему действие в лирических песнях Юга России происходит в основном во дворе, а в северных песнях — на улице, и т.п.

Сравнение лексиконов народных песен различной этнической принадлежности лежит в основе другого направления — кросскультурной лингвофольклористики, которая основывается на сопоставлении фольклорно-языковых явлений, принадлежащих устному народному творчеству двух и более этносов. Цель кросскультурной лингвофольклористики — выявление культурных смыслов, аккумулированных в отдельных лексемах, формулах, текстах и в совокупностях текстов как атрибутов фольклорной картины мира и как манифестантов этнической ментальности, поиск общего и специфического в традиционной культуре этносов, углубленное исследование феномена этнической ментальности, разработка эффективного инструментария для выявления культурных смыслов в единицах языка. Кросскультурная лингвофольклористика выходит за пределы собственно языка фольклора и вторгается в область антропологии, лингвокультуроведения и этнолингвистики. В целом сопоставительная и кросскультурная лингвофольклористика исследует феномен фольклорного слова во всем объеме его внутренних и внешних связей и отношений.

Кросскультурная лингвофольклористика выявила, например, своеобразие этнического портрета в русских и английских народных песнях. У русских «фокус красоты» — брови и глаза («брови черна соболя, очи ясна сокола»). А у англичан — губы и щеки. Если обратиться к концепту «золото» в равных по объему корпусах текстов, то видно, что английская лексема *gold* используется в семь раз чаще, чем русское слово *золото*, что само по себе примечательно. В английской народной песне золото предстает в своей вещной ипостаси и в слове *gold* на первый план выступает сема «ценность». В русской лирике в слове *золото* господствует сема «красота». Поскольку золото в русской народной лирике — знак особой выделенности и красоты, то чаще всего используется не существительное,

а прилагательное *золотой* в переносном значении, особенно в тех случаях, когда речь идет о народно-лирической флоре и фауне (*навушка золотые перышки, олень золотые рога, конский хвост золотая труба, верба золотая ветка, груша-яблоня кора золотая* и др.).

Изучение конкретного материала позволяет сделать вывод о существенном этническом своеобразии в отборе и функционировании языковых единиц, выражающих одни и те же концепты, например, наименования реалий мира пернатых. Так, птицы в русских лирических песнях воспринимаются как одна из ипостасей человека. Птицы во всех их проявлениях в песенных ситуациях отчетливо антропоморфны. Лирический жанр предопределяет наличие мужской и женской ипостаси почти каждой птицы. Те или иные биологические свойства конкретной птицы отражаются и оцениваются только в той мере, в какой они хотя бы эмоционально близки человеку. Русские орнитонимы в фольклорном тексте функционируют либо как символ, либо как метафора и в значительной части выступают как опорные элементы всех типов поэтических приемов. Преобладание эмоционального, оценочного над номинативным в орнитониме приводит к их тотальной синонимизации, взаимозаменяемости (девушка-невеста может быть и лебедушкой, и галкой, и перепелкой, и утушкой).

Мир птиц в английской лирике с миром человека не сливается. Поведение пернатых, их характеристики совпадают с их биологической природой. В каждой птице видится один какой-то конкретный видовой признак, и он примеривается к человеку: умение летать, петь, плавать и т.п. оцениваются с точки зрения желательности этого умения у лирического персонажа. По этой причине орнитонимы часто функционируют в сравнительных оборотах. Мир птиц воспринимается не эмоционально-оценочно, а эстетически-оценочно. В этом принципиальное отличие английского поэтического взгляда на мир от русского.

Поскольку лингвофольклористика, в отличие от фольклористики, постоянно имеет дело с большими текстовыми массивами, постольку уместной в ее арсенале выглядит лексикография. Только в рамках лингвофольклористики осуществились попытки создать словари языка фольклора, которые до недавней поры в отечественной и мировой науке о фольклорном слове отсутствовали. Известен опыт создания словаря былинной лексики, в основе которого лежит учет основных связей и отношений описываемого слова в былинных текстах. Стали очевидными перспективы конкордансов к собраниям фольклорных текстов. В ходе кросскультурных исследований окрепла идея контрастивного словаря [3].

Фольклорная лексикография стимулировала разработку и активное применение современных информационных технологий, в частности автоматизированных конкордансов, обеспечивающих обе основные функции лексикографии — поисковую и эвристическую. Первая функция основывается на возможности быстрого поиска всех требуемых фрагментов того

или иного текста с необходимым словом, а эвристическая функция предполагает решение целого ряда задач исследовательского характера, касающихся семантики слова, тематических групп лексики, особенностей семантических конструкций, выявление сопоставительных наблюдений и др.

Хотя лингвофольклористика, в свое время благословлённая журналом «Русская речь», достигла почтенного возраста почти в полсотню лет, по-прежнему есть фольклорно-языковые пространства, в научном отношении освоенные еще недостаточно. К тому же в недрах становящегося информационного общества появляются формы массового анонимного творчества, по сути, фольклорного, ждущего своих исследователей.

Литература

1. *Хроленко А.Т.* Что такое лингвофольклористика? // Русская речь. 1974. № 1. С. 36–41.
2. *Праведников С.П.* Основы фольклорной диалектологии. Курск, 2010.
3. *Бобунова М.А.* Фольклорная лексикография: становление, теоретические и практические результаты, перспективы. Курск, 2004.

Курский государственный университет